

*Галдели чайки бестолково,
Ворочал льдины мутный вал,
И кто-то в шутку край суровый
Страной Лимонией назвал...*

Мой собеседник Евгений Николаевич Кулабухов цитирует строки из стихотворения известного поэта Анатолия Жигулина о Колыме без иронии: он сам не избежал роковой участи услышать там, на Колыме, тревожный гул черного бора, когда сутками неистово мела пурга, как бы накликая очередную беду. Он был осужден военным трибуналом по пресловутой 58-й статье за антисоветскую пропаганду и пораженческие настроения. Ему дали десять лет лишения свободы с последующим поражением в правах на пять лет...

видел когда-то на открытках: запомнил щеголем, симпатягой. А здесь потухший взгляд, мрачная роба... Говорили, что сам "вождь всех народов" похваливал артиста, мол, хорошо поет, с душой. Его танго "Осень. Прозрачное утро" и "Забывтое танго" постоянно звучали по радио, из патефонов во дворах. Чудные цыганские и русские романсы. На фронтах его непременно просили исполнить песню "Жди меня"...

— В дни Тегеранской конференции (ноябрь — декабрь 1943 года) Черчилль попросил Ста-

что участвовал в убийстве Григория Распутина. Два раза в год осужденные получали письма и посылки. Получив посылку, родственник князя заваривал чай "Букет Грузии", угощал Евгения. Уверял, что был вхож в царскую семью, вспоминал царя Николая II, царицу и великих княжон. Рассказывал о юсуповских чистокровных лошадях, лучшим в России конезаводе Юсуповых, о своей ложе в Большом театре. В революцию Юсуповы тайно покинули Россию, а он задержался — вот и оказался в лагере...

В Джеккагане зеки добывали марганец, руду. Бесконечно грохотали по трапу груженные тачки, людской пот лился в три ручья. Евгений, уже инвалид второй группы, работал наравне со всеми.

...Наступил март 1953 года. Однажды зекон собрали на плацу и объявили:

— Наш вождь и учитель ушел от нас...

Толпа осужденных сначала загудела, а затем вверх полетели шапки и над бараками загремело ликующее "Ура!"

В лагерь пришли перемены. Над заключенными уже не так издевались, даже, казалось, дышать стало легче. Евгения назначили культотгом лагеря. На двуколке он привозил зекам газеты, журналы и даже книги, о чем раньше и помыслить было нельзя. Стала выходить лагерная стенгазета. Евгений организовал самодеятельность, сам выступал на сцене.

Когда ему исполнилось 30 лет, он наконец распрощался с проклятым рудником. В Орле прежние друзья и приятели сторонились его. Бывшего зека никто не хотел брать на работу. С великим трудом Евгений устроился в парикмахерскую на Монастырке.

Женился на скромной и доброй девушке Лидочке. Лида была инвалидом детства, но работала на производстве. А еще создавала дома уют и согревала Евгения своей любовью. Евгений Николаевич никогда не пожалел о своем выборе.

Сейчас любимой жены уже нет в живых, но рядом дочь Га-

лина, внуки Игорь и Леночка. По праздникам собираются вместе вся семья. Галина Евгеньевна усаживается за пианино, а Евгений Николаевич исполняет арии из опер и любимые романсы, у него, слава Богу, голос еще звучит. В этом году на его 82-летие прислал поздравление и приличную сумму денег тоже бывший заключенный — известный писатель Александр Солженицын. Подобные поздравления от него Евгений Николаевич получает регулярно.

Нина ГУЦЕВА.

На снимках: таким Евгений Николаевич был на каторге; любимая жена Лидочка.

«ВРАГ НАРОДА»

С ФРОНТА — НА КОЛЫМУ...

Когда был освобожден от фашистов Орел, Евгений добровольцем ушел на фронт. Его прикомандировали к пехоте.

На передовой получил Евгений свою первую боевую награду. Как-то ночью в полнейшей тишине подобрался бойцы к вражескому окопу. Швырнули гранаты — и айда вперед! Фрица взяли в чинах. Евгений заметил, что после этого случая старшина полка стал более внимательно присматриваться к нему. Как потом оказалось, неспроста.

Однажды в минуты отдыха в лесочке старшина подсел к нему. Достал фляжку со спиртным, предложил выпить за боевые успехи. Старался старшина побольше наливать спирта молодому бойцу, а сам все спрашивал о его жизни в мирное время, в оккупации. Евгений рассказал, что он из Орла. Мать — полька. Отец — известный в городе цирюльник. При нэпе у отца было свое ателье. Но нэп "лопнул", и отец вынужден был работать в артели "Объединенный труд" тоже парикмахером. Пошел по его стопам и Евгений.

Старшина намекнул, что в их полк прибыло много новых красноармейцев, которые раньше находились на оккупированных немцами территориях. И комсомолец Евгений Кулабухов должен оказать помощь командованию: присматриваться к новеньким, прислушиваться, о чем они между собой говорят. Евгений понял, что старшина вербует его в сексоты. Хотя и мертвецки был пьяным, отрицательно замотал головой...

А уже через день он оказался в руках следователя. Пытали его по ночам. Избивали до полусмерти. Чтобы усилить страдания, кормили селедкой и сухим хлебом, отказывая в воде. Вскоре по этапу Евгений был отправлен на Колыму.

Везли новоиспеченных зекон в товарных вагонах с решетками на окнах по Уралу, Сибири. В Находке людей сортировали, загружали в трюмы кораблей, отправляли по курсу, намеченному великим кормчим — Сталиным. На прииске "Покрышкин" укомплектовывали бригады по 500 человек, отбраковывали "фитилей" — доходяг, которые уже не могли держаться на ногах, и "складывали" их в одно место... до весны.

На Колыме делали погоду

воры в законе. Здесь они чувствовали себя королями: чифирили, жевали наркоту, играли в карты, измывались над слабыми. Все остальные в зоне были "мужиками": выполняли тяжкий труд, их избивали...

Бежать заключенным было некуда. Вокруг сопки, тайга, конвоиры с автоматами да еще пятидесятиградусный мороз.

ЕЁ ГЛАЗА ЗАТМИЛИ ВСЁ

Когда по весне над прииском и черными вышками показалось голубое небо, а на деревьях появилась зеленая листва, Евгений стал замечать на себе пристальный взгляд молоденькой девушки-врача. Запах пихты, сосен дурманил молодым людям голову. Даже в таких нечеловеческих условиях они умудрялись встречаться хотя бы на миг. Но недолгой оказалась их запретная любовь. Нашлись завистники, выследили, "настучали". Её обвинили в том, что она связалась с врагом народа, и разжаловали. А его определили в штрафники.

... Утром — грамм каши, голова селедки и чай. Вечером — жидкий суп и кусочек хлеба со жмыхом. Люди дичали. Случалось, что изморенный непосильным трудом и голодом несчастный зек-доходяга набрасывался на такого же, как и он, пытаясь отнять кроху хлеба. Начиналась драка, на тумачи не обращали внимания. Главные — успеть засунуть в рот добычу и побыстрее проглотить её.

Уснуть в бараках от жуткого холода было невозможно. Даже

тряпья не было, чтобы укрыться. Кто-то "спал", пританцовывая, а кто-то засыпал и больше не просыпался никогда. Люди болели цингой, дифтерией, а в основном — туберкулезом. Источенным, больным зекам не разрешалось собраться в тайге даже горсти брусники или клюквы...

По баракам отобрали самых запущенных туберкулезников. Среди них оказался и Евгений. Больных поместили в центральную лагерную больницу, которая находилась на левом берегу Колымы. Всех искупали, уложили в чистые постели, пищу давали по часам, а главное — лечили. Отвыкшие от человеческого обращения зеки, расчувствовавшись, рыдали. Оказалось, что лечили их "кремлевские врачи", которые проходили по "делу Горького". Врачи были такими же зеками, как и они...

И ВНОВЬ ОТПРАВКА ПО ЭТАПУ

Семь долгих лет провел Евгений на Колыме, и теперь его путь лежал в спецлагерь Джезказган (Казахстан).

По дороге вновь застряли в Магадане. Евгений прослышал, что в одном из баракон находятся артисты Большого театра, тоже узники. Евгений постарался пробраться туда. Лицо одного из заключенных показалось ему знакомым. Худой, рыжеватый, нервный зек... Евгению шепнули: "Это Вадим Козин". Артиста Козина Евгений

лина, чтобы на его день рождения (30 ноября) пел этот русский певец: Черчилль обожал Козина. Сталин тогда посылал за артистом в Москву спецсамолет, — рассказывали зеки.

Не раз Берия упрекал певца за то, что он не исполнил ни одной песни о Сталине. Эти упреки артист пропускал мимо ушей...

В мае 1944 года Вадим Козин был арестован.

Много лет Козин после отсидки оставался невыездным. Говорят, он инкогнито приезжал в Орел, чтобы навестить своих друзей-каторжан.

...И опять дорога. Зеки ехали уже на электропоезде. Мимо пролетали города, деревни, стучали днем и ночью колеса. Наконец прибыли в спецлагерь. Жарища, пыль, пропитанная рудой и марганцем. Громадный лагерь, кругом крыши, вышки и кирпичный забор.

— В Джезказгане у нас не было фамилий, только номера, — вспоминает Евгений Николаевич. — Здесь были совсем другие арестованные... Военные чины всех рангов, писатели, художники, артисты, ученые. Много священников.

Служители церкви держались особняком. В рубищах, еле-еле передвигавшие ноги, они все равно отличались от остальных зекон. Гордой осанкой, внутренним благородством...

Рядом с Евгением спал на нарах старичок, который утверждал, что он родственник князя Феликса Юсупова, того самого,